

Вместо предисловия

— Ну все, мне пора!

Девушка резко подскочила, толкнув стол и едва не перевернув чайную чашку — впрочем, уже пустую. На ходу дожевывая бутерброд, она выбежала из кухни и заметалась по тесной прихожей, спешно собираясь к выходу.

Куртка, сумка, на всякий случай шапка — ей никак нельзя болеть, вбить ноги в кроссы... Нет-нет, что за дурная привычка: надо аккуратно обуть, пользуясь ложечкой, чтобы не травмировать задники!

И, разумеется, покачаться с носка на пятку, любуясь, как блестит глянцевая белоснежная кожа новых брендовых кроссовок.

— А? Красота же?

Подруга кивнула, снисходительно соглашаясь: да, красота.

— Вернусь к обеду, не скучай!

Подруга потянулась, девушка наклонилась и звонко — даже уши заложило — поцеловала воздух у ее щек:

— Чмоки, чмоки!

Подруга предпочла бы символическим поцелуям настоящие, но пачкаться в помаде не хотелось.

Если бы она знала, что будет дальше, то вцепилась бы в девушку, удержала, не позволила выйти за дверь.

Но она, к сожалению, не умела заглядывать так далеко, чувствовала только ту беду, что подошла совсем близко, вплотную.

— Надолго не прощаюсь! — Девушка сунула в сумку ключи, выскочила за порог и захлопнула за собой дверь.

Ни к обеду, ни к ужину она не пришла.

Вообще никогда не вернулась.

ГЛАВА 1

— По-моему, у моих башибузуков есть дар ясновидения, — задумчиво сказала Ирка, посмотрев на упомянутых братьев-разбойников — семилетних близнецов Масыню и Манюню.

Я тоже поглядела на ее башибузуков. В настоящий момент они с пыхтением и сопением затаскивали на детскую горку самокат, явно намереваясь съехать с кручи на нем, а не на собственных полах, и крайне мало походили на ясновидящих. Даже не будучи Вангой, я могла уверенно напророчить, что самокатчика-экстремала ждет отнюдь не мягкая посадка.

Однако Ирка хранила буддистское спокойствие — возможно, картина, нарисованная ее собственным ясновидением, отличалась от явившейся мне.

Моя лучшая подруга вообще большая оптимистка, и это я сейчас не про ее живой вес, составляющий ровно сто кило.

Ирка неизменно позитивно настроена, это ее врожденный талант, которому можно только по-

завидовать. Я-то, прогнозируя развитие каких угодно событий, непременно вижу и пару-тройку негативных вариантов.

Сказать ей, что пацаны сейчас грохнутся, или лучше не каркать?

К счастью, Масыня и Манюня меня как будто услышали и спустили свой самокат с горки по рошняком, без пилота-камикадзе.

Условно летательный аппарат прогрохотал колесиками по железному желобу, с середины кручи ушел в отрыв, уже в воздухе перевернулся и красиво приземлился вверх тормашками, воткнувшись в кучу опавших листьев рулем.

Кажется, так и было задумано — башибузуки радостно загомонили.

— Конечно, у них есть дар ясновидения, — согласилась я с невозмутимой матерью юных разбойников, продолжая прерванный на время эффектного полета самоката разговор. — У меня в сумке был шоколадный батончик, он больше месяца там пролежал, успел слетать со мной в три разных города. Я про него давно забыла, а твои башибузуки его моментально нашли. Вот как? Не учуяли же? Уясновидели, значит.

— Это не ясновидение, это опыт, — отмахнулась подружка. — У тебя в сумке всегда есть что-то давно забытое.

Я развела руками, признавая справедливость этого... ну, скажем, наблюдения. Не упрека же?

Мы с Ирккой любим друг друга такими, как есть, со всеми нашими несовершенствами.

Не зря говорят, что противоположности сходятся!

Да, у меня в сумке царит вечный хаос, зато в объемистой торбе подруги всегда такой порядок, что позавидует самый педантичный интендант военного склада. При этом в Ирковой ручной клади имеется столько всего нужного и полезного, что с одной ее сумкой можно вполне комфортно претерпеть продолжительную робинзонаду на необитаемом острове.

— Позавчера они завели ежика, — со значением сказала Ирка, снова посмотрев на своих потомков.

Я подумала, что она сменила тему, и покивала — да, с Масыней и Манюней только истинный буддист не придет в состояние «на взводе» в считанные минуты, ежик тоже не мог не завестись. Но оказалось, что мы все еще говорим о ясновидении:

— Пошли вечером гулять с собакой, а вернулись с ежом.

— И без собаки?

— Нет, с ежом и с собакой. Ежу построили шалаш в саду под яблоней, назвали его Дмитрием Палычем...

Я молча подняла брови.

— Так зовут нашего тренера по дзюдо, а у него поступь такая... своеобразная. Шаги частые и с отчетливым стуком подошв, — пояснила Ирка. — Еж почти так же топает. Я говорю: «Мальчики, зачем вам ежик? Это не домашнее животное». А они мне: «Пригодится, мамочка!» Представляешь?

— С трудом, — призналась я. — Как-то сложно мне придумать ситуацию, в которой может пригодиться ежик. Не за грибами же они его посылать будут?

Воображение тут же нарисовало мне дрессированного ежика повышенной грузоподъемности, несущего на своем горбу четко в направлении дома Максимовых полпуда лесных сыроежек.

— Вот и я не знала, что думать, — Ирка вытянула из кармана мобильник. — А вчера в родительском чате написали вот это!

И она прочитала с экрана:

— «Затра всем принести тыс. руб. и поделку ежика!»

— Сруб? — недослышала я.

А что? Мы в свое время в школу чего только не носили...

— «Тыс. руб.» — это «тысячу рублей», не фиксируйся на мелочах!

— Ничего себе — мелочь! Тысяча рублей — это деньги! — не согласилась я.

— Не в деньгах счастье, — назидательно сказала подруга, и тут я спорить не стала. — Вернемся к ежику. В итоге он пригодился, чтобы сделать поделку! С натуры, так сказать.

— Подделку, — уточнила я, взглянув на сообщение в чате. — Тут с ошибкой написано: «подделку ежика». Ха, это смешно!

— М-м-м?

— Ну, вы же ежика своего Дмитрием Палычем назвали? Значит, подделка ежика — Лжедмитрий! — Я захихикала.

— Лжедмитрий Первый и Лжедмитрий Второй, мы же две поделки смастерили, — Ирка тоже хохотнула. — Так вот, я к чему это? Башибузуки как чувствовали, что ежик пригодится! Что это, если не дар ясновидения?

— А мы в первом классе еще жирафа из желудей делали, — припомнила я.

— Да? Ну, жирафа они с вечерней прогулки не приведут, — сказала подруга, однако уверенности в ее голосе не было: от Масыни с Манюней много чего можно ожидать. Даже жирафа.

— Однажды они приведут невест, — напрооричила я уныло.

— Да лишь бы не женихов! — отмахнулась Ирка. — И вообще, не каждая приведенная в дом подружка — невеста, расслабься. Колюшка же сказал вам, что женится не раньше, чем в двадцать

пять, у тебя еще целых шесть лет, чтобы морально подготовиться.

— Сказать-то он сказал...

— Эй! У тебя сынище — человек слова! И дела. Он, если что-то запланировал, идет по пунктам, как по ступенькам!

— Это правда, — я приободрилась.

Планирование — действительно сильная сторона моего потомка. Он ставит себе цель и идет к ней, заранее просчитав шаги. Удивительный талант, не от меня унаследованный, это точно! Я не то чтобы непоследовательна и хаотична, просто иногда выгляжу неорганизованной, потому что то и дело запросто корректирую свои планы на ходу. К примеру, отправляюсь в магазин за коричневым ламинатом, а возвращаюсь с голубым ковролином.

У Колюшки все четко. В начале года он составил список дел на двенадцать месяцев, обозначив как приоритет получение водительских прав, и в рамках достижения поставленной цели нашел подработку, накопил нужную сумму денег, промониторил городские автошколы, выбрал лучшую, прошел медкомиссию, заплатил за обучение и наконец приступил к занятиям.

Собственно, именно поэтому мы с Иркой и башибузуками кто во что горазд развлекались на заброшенной детской площадке: с нее был виден

автодром, на котором занимался Колюшка. Как заботливая мать, я считала своим долгом приглядывать за милым крошкой (сто девяносто пять сэмэ и восемьдесят кило юношеской наивности и простодушия), но понимала, что делать это можно только тайком. Сын оскорбился бы, узнав, что за ним надзирают, да и товарищи стали бы над ним насмехаться.

Поэтому, пока Колюшка добросовестно отрабатывал «змейку» и боковую парковку, я практиковалась в скрытном наружном наблюдении при помощи и поддержке лучшей подруги.

Ирка, во-первых, привезла меня на точку, во-вторых, дала бинокль. Она его постоянно носит в сумке, чтобы всегда иметь возможность высмотреть на местности собственных деток.

Если бы у меня не было надобности в наблюдательном пункте, мы бы не зависали на территории, представляющей собой нечто среднее между полянкой лесных фей и армейским полигоном.

Когда-то это была классическая советская детская площадка с нехитрыми, но очень прочными качельками-карусельками, горкой из танкового железа и разновеликими турниками на опорах из толстых труб. Теперь подступы к турникам заросли непролазным бурьяном, горка опасно покосилась, от карусельки остался ржавый остов, похожий на средневековый пыточный механизм,

и все вместе выглядело бы пугающе, если бы не яркий праздничный узор толстого ковра из желтых и красных листьев.

Тем не менее, заботливые мамочки не водили впечатлительных деток сюда играть, предпочитая этому памятнику былых времен современный игровой городок во дворе нового жилого комплекса или бесплатную площадку под крышей соседнего торгового центра.

Масяня и Манюня резвились и шумели каждый за троих, но, как ни старались, не могли заполнить собой всю территорию. Кроме нас четверых, на площадке пассивно выгуливалась одна девочка.

Или девушка.

Или бабушка — поди пойми, кто именно одет в широкие штаны и мешковатую толстовку с поднятым капюшоном и длинными, как у Пьеро, рукавами!

Какая-то гражданочка женского пола, точнее не скажешь.

Я и пол-то ее определила без уверенности, потому что длинные волосы нынче и парни носят. Личико, затененное капюшоном, прочно скрывали солнечные очки и медицинская маска, руки прятали белые латексные перчатки. Без них можно было бы увидеть маникюр и по его форме

и цвету приблизительно угадать возраст гражданочки.

— Девушка крайне серьезно относится к соблюдению противоэпидемических мер, — заметив, что я засматриваюсь на таинственную мадам Пьеро, нашептала мне Ирка.

— Почему ты думаешь, что это девушка, а не бабушка?

— На ней очень модные молодежные кроссовки. Моя племянница Женька попросила такие же на день рождения, я посмотрела, сколько они стоят — мама дорогая! Дешевле купить лабутены.

— Серьезно? — пользуясь тем, что девушка сидела к нам боком и смотрела в другую сторону, я пригляделась и согласилась с подругой: — Да, ты права. Кроссовки на ней очень модные и дорогие. А вот все остальное — как из секонд-хенда, в этом смысле обувь с одеждой не гармонирует.

— Зато она прекрасно сочетается со стаканом из «Старбакса». Там кофе очень недешевый, а у нее большая порция, ноль пять или даже ноль семь.

— Эх, молодость! Последнее отдашь, лишь бы выглядеть круто, — я вздохнула, но без прискоробия.

С тех пор, как сын начал сам зарабатывать, его карманные расходы — уже не моя проблема.

— О, смотри, приехал твой юный Шумахер! — Ирка посмотрела в бинокль и передала прибор мне.

Я подкрутила окуляры, настраивая их под свое безупречное зрение, и близко увидела сосредоточенную физиономию сына за рулем учебного автомобиля. Инструктор вышел из машины и выразительным жестом отправил Колюшку на горку.

— Он сказал «Поехали!» и махнул рукой, — пробормотала я озабоченно.

Когда я сама училась водить, горка была для меня самым сложным упражнением. Я все время съезжала с нее назад, а мой инструктор Жора, очень противный приставучий тип, обидно ржал, утверждая: это все потому, что у кого-то слишком длинные ноги. Мол, сигнал от головного мозга до ступней идет слишком долго.

Но сын и тут пошел не в маму, с горкой он справлялся вполне уверенно. В отличие от других учеников, которые глохли на подъеме все поголовно.

По автодрому яркими букашками ползали пять учебных автомобилей. Расписная колесница, управляемая Колюшкой, внешне ничем не отличалась от других: тоже вся в надписях, предупреждающих наклейках и с фанерной мансардой на крыше.

Отдав бинокль Ирке, которая тоже хотела оценить водительское мастерство своего крестника, я тут же потеряла нужную машинку среди других — без оптического прибора все они выглядели для меня хаотично снующими пестрыми жучками.

А потом раздался хлопок, и один из жучков, едва заползший на горку, превратился в огненный шар.

Что было дальше — не помню.

— О-о-и-и... — невнятно прогудел голос свыше.

Я с трудом подняла веки и поглядела в небо Аустерлица.

Заслоня лазурные дали, надо мной нависли три светлых блина, окруженных сияющими нимбами.

— Отойдите! — повторно прогудел голос свыше. — Ей нужен воздух!

Два лучезарных лика отодвинулись на задний план, а третий, наоборот, приблизился и на секунду проявился, но тут же снова скрылся за воздушными завихрениями. Однако я уже поняла, что это Ирка энергично обмахивает меня какой-то картонкой.

Надо же, как, оказывается, рыжие волосы на просвет похожи на нимбы...

И тут я вспомнила: автодром, машинки-бу-кашки, огненный шар!

— Спокойно! — прикрикнула подруга, увидев всплеск дикой паники в моих глазах. — С Колюшкой все в порядке, он был в другой машине! Не в той, которая взорвалась.

— Помогите мне встать, — прохрипела я, с трудом садясь.

Прозвучало это в точности как виевское «Поднимите мне веки». Два рыжих чертенка, опрометчиво принятых мною за ангелов, тут же подскочили, подхватили меня под руки, потянули вверх. Ирка поддержала, помогла воздвигнуться в неустойчивом равновесии, подперла могучим плечом и сразу же сунула мне в руки бинокль:

— Сама посмотри, вон он, у дальнего края площадки, жив и невредим!

Я посмотрела в указанном направлении и испытала неимоверное облегчение, увидев своего сына. Он стоял в группе других парней и девушек, видимо, учеников. Все они были без курток и шапок, влопыхах оставленных в машинах, и выглядели испуганными и возбужденными.

— Присядь-ка, — подруга заботливо усадила меня на лавочку. — Сейчас я тебе чего-нибудь дам...

Она полезла в свою сумку-самобранку и быстро нарыла там успокоительное на выбор: бли-

стер с горошинами глицина, маленький шкалик виски из дьюти-фри и шоколадную конфету «Гулливер».

Я брезгливой гримаской отказалась от глицина и призадумалась, выбирая между виски и конфетой. Решила, что раздавить мерзавчик на глазах у детей будет непедагогично, и потянулась к «Гулливеру», но слишком медленно: Масыня с Манюней меня опередили и тут же покатались клубком, выдирая друг у друга сладкий приз.

— Брейк! — рявкнула Ирка. — Прекратить мордобой, конфет на всех хватит! А ну, сели рядом с тетей Леной!

Тяжело сопящие башибузуки моментально притиснулись ко мне с боков. Заботливая матушка юных разбойников выдала всем, включая себя, по конфете и велела есть медленно — успокаиваться. Но Масыня с Манюней все равно проглотили своих «Гулливеров» так быстро, словно те были лилипутами.

— Как кукушата, — вздохнула Ирка. — Глодают, не жуя, а ведь это вредно для пищеварения...

— И для окружающей среды, — поддакнула я, наклонившись и подобрав брошенные кукушатами конфетные фантики.

Коротко огляделась и выбросила их вместе со своими бумажками в ближайшую мусорку.

— Стой, ты что делаешь! — возмутилась подружка. — Это же не урна!

— Как — не урна? — я недоверчиво пригляделась к серому бетонному сосуду в форме гигантского кубка чемпионов.

— Это же парковая ваза! — На Иркиной румяной физиономии расплылась счастливая улыбка, которую я вижу всякий раз, когда подружке удастся крепко на чем-нибудь сэкономить или купить что-то ценное на блошином рынке. — Кувшин уличный садовый, винтажная штука, мейд ин СССР!

Моя подруга и ее супруг — владельцы процветающего предприятия с игривым названием «Наше семя». Они успешно продают саженцы, инструменты, теплицы, дачную мебель — все для сада и огорода.

— Ты только посмотри, какая прелесть! — Ирка наклонилась и шумно поскребла ногтем выпуклую цветочную гирлянду на вазоне-чемпионе. — И бетон не архитектурный, как сейчас, а настоящий советский, повышенной прочности, марки М500!

По своему первому образованию моя подруга дипломированный инженер-строитель.

— И такое чудо бурьяном зарастает! Ну, это мы так не оставим! — Ирка распрямилась, деловито отряхнула руки и тут же полезла в свою бездонную суму.

Достала пакет и одноразовые перчатки, быстро экипировалась и, что-то укоризненно бормоча, опустошила вазон, который я опрометчиво приняла за мусорку.

И не только я, кстати говоря, так ошиблась: помимо наших конфетных фантиков, в емкости уже покоились три больших бумажных стакана из модной кофейни «Старбакс».

Побросав весь мусор в пакет, подружка поискала глазами, правильной урны поблизости не нашла и сказала:

— Сиди, смотри за мелкими, я буду через минуту, — с чем и удалилась на повышенной скорости.

Я глянула, чем заняты башибузуки — они протапывали тропу в могучем бурьяне, пробираясь к турнику. При сохранении взятого темпа экспедиция должна была достигнуть цели минут через пять.

Я взяла забытый на краю лавочки бинокль и стала смотреть, что происходит на автодроме. Учеников там уже рассадили по машинам, но автомобили не трогались с места.

Немного подумав, я достала мобильник и позвонила полковнику Лазарчуку, но не успела и слова сказать.

— Нет! — гаркнул мне в ухо добрый друг вместо ожидаемого вежливого приветствия.

— Почему сразу «нет»? — обиделась я. — Может, мне от тебя ничего и не нужно? Может, это я тебе хочу помочь?

— Свят, свят, свят! Только не это!

— Что, даже не спросишь, в чем дело?

— Конечно, не спрошу! Но ты же все равно скажешь, да? — Лазарчук приуныл, прекрасно осознавая перспективы.

— Угу. Ты, наверное, еще не знаешь, но скоро вам сообщат, что на автодроме у ТРЦ «Колизей» догорает машина...

— Ваша? — перебил полковник.

— Почему сразу наша? Нет, учебная. Должно быть, в ней бомба взорвалась...

— Ваша? — опять спросил этот в высшей степени подозрительный и пессимистичный тип.

— Что, бомба? — я почувствовала себя несколько польщенной, но все же сочла нужным обидеться: — Ты за кого нас принимаешь, Сереженька? Мы нормальные законопослушные гражданки...

— Ха!

— ...в данном случае — всего лишь свидетели ЧП, — договорила я. — Так что, если понадобятся наши показания — добро пожаловать, ты знаешь, где нас искать вечером в пятницу.

— И где? — полковник наконец-то заинтересовался.

— У Максимовых, разумеется, Моржик закончил новый гриль, это какое-то эпическое сооружение, микс Емелиной печки и крепостного форта, сегодня тест-драйв, тебя разве не звали?

— Вообще-то звали, но у меня...

— Ой, да что там у тебя! — у меня вырвали трубку: я и не заметила, что Ирка вернулась и даже успела послушать наш с подполковником разговор. — Вот у нас действительно нечто: семга в брусничном соусе и свиная шея, маринованная с ягодами можжевельника! Так, говоришь, ты не приедешь, можно съесть твою порцию?

— Я тебе съем! — и гудки.

— Он придет, — Ирка вернула мне телефон и по-разбойничьи свистнула в два пальца. — Башибузуки, ко мне!

Оказалось, что она вернулась к площадке на машине, которая до того мирно стояла на парковке у торгового центра, зная не зная, что ее — и всех нас — ждет.

Следующие двадцать минут мы грузили в открытый багажник солидного джипа садовый вазон из особо прочного и, зараза, очень тяжелого советского бетона.

Если бы Масяня с Манюней не нашли на подступах к турнику пару достаточно крепких досок, а Ирка с ее инженерным образованием не додумалась применить рычаг, так и остался бы винтаж-

ный предмет садово-паркового декора прозябать в забвении и небрежении.

— А потом поедем обедать в торговый центр! — этим заявлением подруга вмиг подняла энтузиазм трудовых масс, и погрузка была успешно завершена.

Меня, однако, беспокоила мысль о том, как юные башибузуки и мать их будут вытаскивать неподъемный бетоновазон из багажника высокого джипа в своем дворе. Максимовы, конечно, запасливое семейство, но что-то я не помню, чтобы у них дома имелась лебедка или подъемный кран...

Ирку, видимо, это обстоятельство тоже тревожило, потому что она вдруг предложила:

— А давай ты не к себе домой поедешь, а сразу к нам? И Колюшу с собой захватим!

— Логично, — я подумала, что лишние четыре руки, из которых две принадлежат крепкому двухметровому парню, в сложившихся обстоятельствах не помешают. — Сейчас я ему позвоню.

Удобное местечко прямо напротив входа в торговый центр, которое джип занимал до того, как ему пришлось переместиться к заброшенной площадке, чтобы стать грузовиком, уже было занято. Пока Ирка кружила вокруг здания в поисках свободного места, я позвонила сыну и предложила ему присоединиться к нашей компании.

— А что это вы тут делаете? — с подозрением поинтересовался потомок.

— Выгуливали башибузуков на детской площадке, теперь идем в «Колизей» есть какой-нибудь вредный фастфуд, — отрапортовала я почти правдиво и с дальним прицелом.

Уж я-то знаю, чем можно соблазнить здорового юношу с прекрасным аппетитом.

— Возьми мне два гамбургера, картошку фри и большой молочный коктейль! Буду через полчаса.

— Почему через полчаса? У тебя разве занятие еще не закончилось?

— Занятие закончилось, но нас тут еще опрашивают...

— Кто, зачем, почему?

— Да так, ерунда. У нас тут что-то вроде репетиции теоретического экзамена, — соврал сын. — Ты поняла? Мне два гамбургера. Нет, лучше три.

— Слушаюсь и повинуюсь, — я закончила разговор, спрятала мобильник в карман и посмотрела на Ирку. — Прикинь? У нас тут, говорит, что-то вроде теоретического экзамена. Репетиция конца света, я бы сказала!

— Находчивый врунишка ваш мелкий! Твои гены! — подружка то ли похвалила сына, то ли упрекнула меня.

Условно мелкий, как я и предполагала, не задержался с прибытием. Шумной компанией мы оккупировали просторный стол на фуд-корте и обстоятельно отобедали, а после с новыми силами отправились к Максимовым.

Впятером под присмотром кота, саркастически наблюдавшего за нашими трудами с высокого крыльца, мы справились с эпической выгрузкой бетоновоза за каких-то двадцать минут, но потом еще битый час катали это произведение садово-паркового искусства по участку, выбирая лучшее место для его постоянной дислокации. Умаялись, запыхались, измазались в грязи, но все-таки водрузили эту винтажную красоту на японскую горку у миниатюрного пруда.

— Я посажу в него традесканцию или еще что-нибудь вьющееся, и плети будут очень красиво свешиваться в воду, — проинформировала меня подруга о своих дальнейших творческих планах, глядя на горделиво высящийся вазон с мечтательным прищуром.

— Традесканцию сажай без нас! — я испугалась, что меня с потомком приговорят к рабскому ландшафтно-дизайнерскому труду.

— Угу, — милостиво кивнула эксплуататорша и громко возвестила: — Всем спасибо, все свободны! Мыться, переодеваться, отдыхать...

Я не успела обрадоваться — тиранша оглянулась на меня и договорила:

— Через полчаса встречаемся на кухне, будем чистить картошку и строгать салаты!

Я подавила тяжкий вздох. Вот знала же, что приезжать к Ирке в гости заблаговременно — плохая идея, она умеет пристроить к работе каждого, кто окажется в поле зрения!

Дети оказались умнее, чем я: они исчезли из виду мгновенно, едва был побежден бетонозвон. А ведь мой сын прекрасно умеет чистить картошку...

Я подавила второй тяжкий вздох.

Колюшка мудро не показывался на глаза нам с Ирой до самого ужина. Подруга и не требовала его присутствия, доверив ему, как старшему, выпас Масыни и Манюни. Дети заперлись в комнате близнецов на втором этаже и явно там не скучали: пока мы с Ирой хлопотали на кухне, над нашими головами что-то периодически бумкало, лязгало и погромыхивало. Я всякий раз настораживалась, но хозяйка дома хранила буддистское спокойствие. И я бы хотела проникнуться этим ее благостным настроением, но не могла: не та натура.

В конце концов я не выдержала и напомнила подруге:

— Надо бы как-то выпытать у Колюшки подробности сегодняшнего ЧП на автодроме.

— И в кого это ты такая любопытная? — мягко попеняла мне Ирка, заталкивая в духовку противень с пирогом. Закрыла дверцу, разогнулась, посмотрела на часы, прикинула: — Нет, не успеем уже выспросить подробности, тем более что знаю я твоего мелкого, он будет запираяться и молчать, как партизан на допросе в гестапо. Дождемся уже Лазарчука, накормим его, напоим — и все узнаем.

— Хороший план, — одобрила я. — Главное — простой в исполнении.

— Ну как сказать, — Ирка оглядела готовые к подаче блюда на кухонном островке. Еды там было, как на роту голодных солдат. — Наш полковник неразговорчив, пока не наестся, а накормить его до нужного состояния дело не быстрое. Не рассчитывай на скорое получение информации.

Мудрая подруга не ошиблась. Приступить к разговору на интересующую нас тему ЧП на автодроме получилось только поздно вечером, уже в финале долгого ужина.

— А теперь дамы приглашают кавалеров... помочь с мытьем посуды! — объявила хозяйка дома, встав из-за стола и оглядев упомянутых кавалеров придирчивым взглядом людоеда, выбирающего кого повкуснее.

Ее собственный супруг Моржик и мой Колян при этом не дрогнули, успешно прикиды-

ваясь глухими, немыми и вообще очень занятыми другими важными делами. Колян, откинувшись в шезлонге — мы сидели в саду, — взглядом истинного ценителя прекрасного неотрывно рассматривал бетоновазон. Тот и впрямь весьма величественно смотрелся на фоне звездного неба в комплекте с полной луной. Явно целясь в последнюю, Моржик выпускал в ночное небо кольца дыма. Луна при этом приобретала определенное сходство с Сатурном — и впрямь красивое зрелище, даже я засмотрелась!

Ирка дернула меня за руку и с нажимом произнесла:

— Идем в дом!

Я очнулась, глянула на нее, а она кивнула на Лазарчука.

Настоящий полковник, мужчина давно разведенный, а в процессе недолгого супружества не обросший броней, как наши любимые мужья, покорно встал и собирал в стопку пустые тарелки.

Мы с Иркой обменялись понимающими ухмылками и пошли в дом. Лазарчук потянулся следом, как бычок на веревочке.

Едва мы все оказались в кухне, подруга развернулась к полковнику, велела ему:

— Ну, выкладывай! — и при этом явно не имела в виду посуду, которую просто отняла и сама

небрежно сгрузила в мойку. — Что там со взрывом на полигоне?

— На автодроме, — машинально поправил ее Лазарчук. И спохватился: — А почему это я должен вам что-то рассказывать?

— Потому что тогда и мы тебе, возможно, что-то расскажем!

— Ладно, — полковник не стал упорствовать. Отошел к диванчику, прежде чем сесть на него, вытянул из заднего кармана джинсов сложенный вчетверо лист бумаги, развернул.

Ирка подпихнула меня локтем, я кивнула — мол, вижу, Лазарчук подготовился. Не дурак, знал, что мы будем спрашивать.

— Все данные — пока предварительные, — предупредил полковник и с бумажкой в руке плюхнулся на диван. Откашлялся: — Итак... В учебном автомобиле было взрывное устройство. Вероятно, дистанционно управляемое.

Я ахнула.

— Спокойно, мамаша! — Серега покосился на меня. — С другими машинами автошколы все в порядке, их тщательно осмотрели.

— То есть взорвать хотели именно этот автомобиль? А почему? Кто был за рулем? — уяснив, что моему сыну вроде бы ничего не грозит, я взяла себя в руки.

— Девочка, вернее, молодая женщина, — Лазарчук заглянул в бумажку. — Антиповец Валентина Антоновна, двадцати лет.

Теперь уже Ирка охнула:

— Такая молодая!

— Антиповец, Антиповец, — я покрутила в голове довольно редкую фамилию. — Это не родственница ли владельца оптовой базы «Буренушка»?

— А ты молодец! — полковник кивнул мне. — Знакома с миллионерами из девяностых?

— Валерий Антиповец — бывший совладелец нашей телекомпании, — припомнила я. — Но он как-то быстро продал свою долю в СМИ, сфокусировался на оптовой торговле продуктами питания и в этом деле преуспел.

— Преуспевал, — поправил меня Лазарчук.

Я подняла бровь.

— Он тоже уже того, — ответил полковник на невысказанный вопрос.

— В смысле — того? — не поняла я. — Также умер? Когда, как?

— А вот это самое интересное, — Серега снова заглянул в бумажку. — Гражданин Антиповец Валерий Сергеевич был найден мертвым в своей скромной шестикомнатной хатке по адресу: улица Красная, дом тридцать три, квартира пять, сегодня в половине шестого вечера, — он

сложил листок, убрал его в карман и пояснил: — Когда выяснили личность девушки, погибшей при взрыве машины, стали искать ее супруга...

— Зачем? — вклинулась Ирка.

— А то ты не знаешь! — ответила я, потому что Лазарчук только хмыкнул. — По статистике, в смерти жены чаще всего виноват муж — и наоборот. Поэтому супруги убитых — первые подозреваемые.

— Соображаешь, — скупно похвалил меня полковник. — Антиповцу звонили на работу, но в офисе он сегодня не появлялся, на базе его тоже не видели — не редкий случай вообще-то, он же босс, хочет — сидит в конторе, не хочет — не сидит... Короче, нашли его дома. В халате и тапках. Похоже, он еще утром помер.

— От чего? — спросила Ирка.

А я сформулировала вопрос иначе:

— Сам?

И снова удостоилась благосклонного взгляда:

— Это вряд ли.

— Да говори ты прямо! — рассердилась подруга. — Его что, тоже убили, этого Антипова?

— Антиповца. Может, убили, может, сам, — полковник пожал плечами. — Как у нас говорят — все подробности после вскрытия.

— Но хотя бы предварительное заключение есть? — наседала Ирка. — Как он умер-то? В петлю полез? Из окна выпал? Рябчиком подавился?

— Отравился, — Лазарчук встал. — Яд был в коньяке, коньяк в бутылке, бутылка на кухонном столе рядом с чашкой из-под кофе. Все, девушки-красавицы, больше у меня для вас никакой информации нет. А у вас для меня? — он пытливо посмотрел на меня, потом на Ирку.

— А у нас тоже нет, — с откровенным удовольствием ответила подруга.

— Обманщицы, — попенял нам Серега, впрочем, вполне беззлобно.

Он отвлекся — я как раз сдернула полотенце с остывавшего на столе румяного свежего пирога. Наш дорогой полковник сладкоежка и гурман, с помощью вкусной еды им можно ловко манипулировать. Его бывшая супруга просто совсем не умела готовить.

— Но мы обязательно поделимся с тобой всем, что узнаем, — пообещала я и протянула другу поднос с пирогом. — Неси в сад, а мы тут чай-кофе сделаем.

— То есть я правильно догадался, вы собираетесь путаться под ногами у следователей, — резюмировал смысленый полковник, нимало не удивленный. — Дверь откройте, у меня руки заняты...

Ирка фыркнула — вряд ли по поводу занятых рук, скорее, протестуя против нелестной для нас формулировки «путаться под ногами», — но дверь открыла, выпустила полковника с пирогом под звездное небо и дополнительно напутствовала:

— Не споткнись о кота!

Я тихо хмыкнула, оценив четкость ассоциации: кот Макс — вот кто любит путаться под ногами. А мы с подружкой — совсем другое дело. Мы следствию никогда не мешаем, наоборот. Да без нашей помощи у коллег Лазарчука «висяков» было бы на десяток больше!

— М-ма-а-у! — донеслось с крыльца.

Гневный кошачий вопль дополнился матерным человеческим возгласом.

Ирка спешно выглянула в окно:

— Пирог цел?!

— А цел ли я, тебе не интересно?! — возмутился Лазарчук.

— М-мо? — кажется, кот спросил то же самое, но о самом себе.

— Все целы? — дипломатично поинтересовалась я, потеснив подругу в оконном проеме.

Свечки на столе в саду почти погасли, и рассмотреть что-то в их неровном свете было трудно. Пришлось напряженно прислушиваться.

— Я поймал пирог! — похвалился Колян.

— А я поднос! — отрапортовал Моржик.

— А я сейчас поймаю кота, и у вас будет новый меховой коврик! — пообещал Лазарчук.

— Ну вот, все в порядке, — заключила Ирка, отваливаясь от окна.

— Кот с тобой не согласится, — пробормотала я и плюхнулась на диван, как недавно Лазарчук. — Так... Это что же получается? Кто-то прихлопнул супругов Антиповец? Вообще-то относительно Валерия я не удивлена, он смолоду с бандитами якшался, даже странно, что благополучно дожил аж до шестидесяти...

— Сколько-сколько ему было?! — Ирка ахнула и вытаращила глаза. — Шестидесят?! А жене его, как ее... Вале. Всего двадцать! Бог ты мой, совсем молоденькая, жалко девчонку! Попала под раздачу ни за что, наверняка убить хотели этого престарелого Валерия, а ее уже заодно с ним... Чтобы наследство за мужем не получила, точно! — она не затруднилась придумать версию и обрадовалась этому: — Ну, мне все понятно! Это бизнес-разборки!

— Не исключено, — согласилась я.

— И где мой кофе?! — с претензией донеслось из сада.

— Лазарчук! — всплеснула руками Ирка и снова высунулась в окно. — А где мой кот?!

— Удрал, зараза, — с сожалением ответил настоящий полковник.

— Кысечка, а можно мне чаю? — очень вежливо, но довольно невнятно попросил мой муж — у него получилось «Кыфефка, мофно фне фяю».

— Они там уже жрут пирог! — догадалась я и встревожилась: — Ира, зови детей и бежим к столу, а то нам ничего не достанется!

— Не бойсь, в холодильнике еще есть торт, а в морозилке — ведерко пломбира! — успокоила меня подруга, но мешкать не стала.

В нашей большой и дружной компании никто не страдает отсутствием аппетита.

Чего-чего, а его — и еще любопытства! — у нас избыточно много...

Домой мы с Колянком и Колюшкой вернулись поздно — во втором часу ночи.

Мне очень хотелось спать, но опрометчиво выпитый под пирог и торт с мороженым кофе в количестве трех чашек никак не давал задремать.

Я лежала и мысленно считала овец.

Овцы считаться не хотели.

Приходилось усилием воли заставлять каждую меховую тушку подойти к заборчику и перепрыгнуть его.

Тушки сопротивлялись, блеяли откровенно издевательски.

Я тихо ругалась, отвешивая по мохнатым задницам мобилизующие пинки...

Вдруг с соседней подушки донесся дремотный голос:

— Кыся, а ты знаешь, что овцы умеют распознавать человеческие лица? Прямо как айфон... Хр-ррррр... Хр-ррррр... — и супруг-эрудит опять заснул.

А я осталась лежать в тишине и в охренении.

Вот как?! Как он узнал, что я думаю про овец?! Неужели это телепатия?!

Блин, надо бы мне теперь кроликов каких-нибудь начать считать или там собачек. Овцы же, раз-разы, меня уже распознали и в лицо запомнили, теперь я их даже в кучу не соберу — разбегутся... А спать так хо-о-очется...

Как я уснула — сама не заметила.

ГЛАВА 2

Сонный супруг и повелитель выбрел к завтраку с закрытыми глазами, на ходу бормоча:

— Я как медведь-шатун...

Аккурат на этих словах он закономерно наткнулся на стул и грохнулся, конечно же.

— Ты не только шатун, но и падун, — вовремя удержав стул, чтобы он не рухнул на мужа сверху, прокомментировала я происходящее. — И еще валян.

— И еще Колян! — донеслось с пола обиженное.

— То есть, по-твоему, все гармонично и правильно? — я помогла шатуну-падуну и Колян-валян-валяну подняться.

— А что это вы тут делаете? — с подозрением спросил зевающий сын, заглянув в кухню из коридора.

— Утреннюю гимнастику, — находчиво совраЛ Колян и показательно присел-поднялся, присел-поднялся. — Рекомендую, очень полезно для здоровья!

— Надеюсь, это не вместо завтрака? — сын обеспокоенно посмотрел на меня как на главную по тарелочкам.

— Нет ничего более полезного для здоровья, чем завтрак, — успокоила я его. — Умывайся и иди к столу, твои оладьи уже готовы.

Вот удивительно, когда сын был маленьким, накормить его удавалось только ценой массовой гибели нервных клеток родителей. Особенно тяжело приходилось Коляну.

— Я не буду суп, налей мне бульон, — повелевал потомок.

Папа выливал из тарелки суп, наливал бульон.

— Ты куда налил бульон? — зловеще шурился сын. — Это грязная тарелка! В ней был суп!

Бульон выливался, тарелка мылась, бульон наливался.

— А мясо куда?! Его нельзя в бульон! — возмущался ребенок. — Его в другую тарелку!

Мясо вынималось, перемещалось в другую тарелку.

— Бульон выливай, — твердо говорил маленький деспот. — Он уже испорчен. В нем было мясо!

Бульон выливался, тарелка мылась, бульон наливался. Ребенок брал ложку и, хлебая бульон, светски сообщал:

— Это мясо я не буду, оно грязное, потому что лежало в бульоне.

Папа тирана молча, но с зубовным скрежетом, мыл мясо под краном, шмякал его в тарелку, ставил руки в боки и грозно смотрел на сына.

— Не буду я это мясо, — невозмутимо отвечал тот на невысказанный вопрос. — Оно грязное!

— Я его помыл!!! — ревел папа.

— Помыл, — соглашался сын. — Но положил в грязную тарелку! В ней лежало немытое мясо...

Какое время веселое, а? Теперь были бы только мясо, бульон и прочее, включая оладьи, — все будет съедено быстро и с прекрасным аппетитом!

— А моё... не знаю, что... оно готово? — Колян внимательно посмотрел на накрытые крышками сковородки на плите.

— Твой листовой салат, кефир и сыр тофу в холодильнике...

Вчера, объевшись за ужином у хлебосольных Максимовых, муж принял героическое решение начать ограничивать себя в еде.

— А разве больше ничего не осталось? — словами идейно близкого ему Винни Пуха жалобно спросил этот мужественный человек, скривившись при упоминании салата и тофу.

— Глазунья из трех яиц на сковородке, — договорила я.

Так и знала, что зеленью и кефиром Коля Пух не обойдется.

— Так это совсем другое дело! — обрадованный супруг устроился за столом, вооружился ножом и вилкой.

Вернулся из ванной умытый и побритый сыннище. Сцапал в обе руки по оладушку, запихнулся, огляделся искательно, подтянул к себе банку с медом. Девятнадцать годков, а еще ребенок ребенком!

— У кого какие планы на сегодня? — светски поинтересовалась я, непринужденно отняв у ребенка мед, чтобы полить им свой творог.

За два «ковидных» года многое в нашей жизни изменилось. Главное — теперь мы все постоянно дома. Мы с мужем удаленно работаем, сын дистанционно учится — никто не срывается с постели спозаранку, чтобы успеть в присутствие к девяти ноль-ноль. Мы неторопливо встаем, со вкусом завтракаем и расходимся по своим рабочим местам, обустроенным соответственно собственным вкусам и запросам.

Я, например, прекрасно научилась работать лежа на диване. На животе макбук, справа мышь и мобильник, слева айпад и наушники — что еще нужно писателю-редактору-копирайтеру? Утомилась — спихнула с себя компьютерную технику, глазки закрыла, ладошку под щеку подсунула — и баю-бай...

Лично у меня необходимость выходить из дома связана теперь исключительно с пополнением запасов продовольствия и всяческими развлечениями. По вторникам, например, я хожу в кино — в этот день билеты совсем дешевые...

— Я после обеда в спортзал и в бассейн, — сообщил Колян и пытливо ущипнул себя за бочок. — Вчера у Максимовых, наверное, целый килограмм наел, теперь страшно на весы становиться...

— А у меня сегодня вождение по городу, — уведомил сын.

— Первый раз за рулем не на автодроме? Это веха! — понятливо покивал муж. — То-то, я смотрю, ты такой нарядный!

Я посмотрела на Колюшку и только теперь заметила выглядывающий из нагрудного кармашка джинсовой рубашки уголок белоснежного платочка. С общим незатейливо-демократичным прикидом он как-то дисгармонировал.

— По-моему, крахмальный батист не сочетается с джинсой, — высказалась я и потянулась, чтобы затолкать белоснежное острое «ушко» поглубже в карман. — Кстати, откуда этот платочек? Ты же обычно бумажными пользуешься.

— Это... ну, скажем, сувенир, — сын отстранился, не позволив мне прикоснуться к платочку. — На память об одном человеке...

— О девушке? — Колян подмигнул сыну. — Кто такая, как зовут?

— Валентина.

— Хорошенькая? У вас с ней что?

— Извините, мне уже пора! — Колюшка встал, неловко выбрался из-за стола.

— А чай? А бутерброды? — всполошилась я. Ответа не получила и укоризненно посмотрела на мужа.

— Что? Не надо было спрашивать про девушку? Ну, я же не знал, что это секрет! А ты сама — «батист не носят с джинсой, дай сюда, это что у тебя?» — передразнил он меня.

— Деликатнее надо быть, тактичнее! Кто же так прямолинейно, в лоб, интимными подробностями интересуется! — я постучала кулачком по тому месту, где предположительно находится третий глаз. Не у нас с супругом — у каких-то других людей, одаренных от рождения повышенной чуткостью.

— Да брось, ничего страшного! У нас крепкий парень, а не кисейная барышня, — отмахнулся Колян, умудрившись закончить просторное движение рукой в тарелке с недоеденными сыном оладьями. — Умн, вкусно!

— И вредно! — я шлепнула его по руке, проворно подхватила выпавший оладушек и быстро сунула его себе в рот.

И чуть не подавилась, запоздало соотнеся красивое и редкое по нынешним временам имя «Валентина» со вчерашним ЧП на автодроме:

— Боже! Это же могла быть та самая Валя Антиповец!

— Кто такая, почему не знаю и с чего бы такая тревога? — супруг заботливо похлопал меня по спине.

— Ну, здрасьте, я же тебе перед сном рассказывала! — я всплеснула руками. — Вчера на автодроме взорвалась машина той автошколы, в которой учится Колюшка, погибла девушка, которая в тот момент была за рулем: Валентина Антиповец!

— Ах, та Валентина! — до Коляна дошло. Он оглянулся на коридор — в дальнем его конце возился, шнуруя кроссовки, Колюшка. — Сынок! Так ты был знаком с погибшей девушкой?

Я помотала головой: бесполезно говорить о тактичности и деликатности, кое-кто в принципе не знает, что это такое!

— Мы на теоретических занятиях пересекались, — ответил сын из прихожей.

Голос у него был ровный, и я успокоилась. Непохоже, чтобы парень сильно переживал.

— У меня как-то на лекции кровь носом пошла, и она мне свой платок дала, но я обошелся бумажными салфетками, — сын заглянул в кухню. — Еще вопросы? Подозрения? Предположе-

ния? — тут он почему-то посмотрел на меня. — Не сочиняйте ничего, я с этой Валею только раз парой слов перемолвился. Но, конечно, мне ее очень жаль.

Мы с Коляном сочувственно покивали, как пара китайских болванчиков.

— Все, я ушел! До новых встреч в эфире, — сын протопал к выходу, открыл и закрыл за собой наружную дверь.

Мы с мужем переглянулись, синхронно пожали плечами. Закончили завтрак и разошлись по углам, устроившись каждый за своим компьютером.

Я открыла рукопись, присланную мне издательством на редактуру, и погрузилась в работу, но вскоре начала нервно хихикать.

— Ну, что там у тебя? — досадливо спросил Колян. — Я же вижу, что ты жаждешь поделиться!

— Это дамский сентиментальный роман, но тебе точно понравится, — я не заставила себя упрашивать. — Слушай: «Она упала, больно стукнувшись копчиком о ребро...»

— Чье?

— А не знаю! Из контекста непонятно, чье ребро имеется в виду — ступеньки или кавалера!

— Он у нее такой худой? Кавалер-то? — я не поняла, с какой эмоцией был задан вопрос. То ли с сочувствием, то ли с завистью...

— Он у нее странный, — ответила я. — Смотри, как описан: «Среди других он выделялся царапающим взглядом и крепким телом с длинными волосами и твердой решеткой на животе».

— А, так это о его решетку на животе она отбила себе копчик? — Колян честно попытался вникнуть, но не преуспел. — Нет, погоди, что-то не сходится: длинные волосы на его теле должны были самортизировать удар!

— Заметь, у мужика еще и взгляд царапающий, — я тщетно сдерживала смех. — Это ж как могла травмироваться бедная девушка!

— Когда, во время секса? — муж демонстрировал живой интерес. — А есть описание процесса? Я бы послушал.

— Описания как такового нет, — огорчила его я. — Тут все пока что очень целомудренно. Первая глава заканчивается тем, что она отбила копчик о ребро, а вторая глава начинается так: «После ночи любви она валялась в его объятиях...»

— Не просто лежала, а именно валялась? — уточнил Колян. — Видать, не удовлетворил он ее, иначе с чего бы такое беспокойство... Так, у тебя все пока? Я могу вернуться к работе? У меня тут бычьи тенденции на крипторынке — это, конечно, не так увлекательно, как смывка копчика с ребром, но тоже довольно эротично.

Поржав, мы вернулись к работе. Час-другой добросовестно трудились, нарушая сосредоточенную тишину только частым щелканьем компьютерных клавиш. Потом Колян потянулся и вкрадчиво поинтересовался:

— Кысюша, а что у нас сегодня на обед?

— Лазанья с соусом болоньезе и пармезаном, — ответила я с удовольствием, потому что история с обретением пармезана грела мне душу.

Несколько месяцев назад наш холодильник неожиданно перешел на темную сторону силы — внутри него перегорела лампочка, и в недрах агрегата воцарился эротичный полумрак. А в семье же все очень умные, на троих четыре с половиной высших образования и шестьдесят четыре собственноручно написанные книжки, что определенно выдает место произрастания верхних конечностей как тазобедренную область. Естественно, никто ничего не починил, и просветления во внутреннем мире холодильника так и не случилось.

Казалось бы, это плохо.

Но!

В крошечном мраке в дальнем углу надежно спряталась упаковочка пармезана, привезенная из последней поездки в Рим и случайно найденная буквально вчера.

А это ведь хорошо!

Нечаянная радость, респект первобытному инстинкту охотника и собирателя, торжество в духе «Вот, видишь, а ты говорила — надо лампочку чинить!» и вкусный ужин для семьи.

То есть каждый минус — он же потенциальный плюс! В слабостях наша сила!

— Эх, надо было бутылочку вина купить, — расстроился Колян. — Лазанья — и без вина? Не по-нашему это как-то, не по-итальянски...

— Сгоняешь в магазин?

— Не могу, мне до обеда еще три новости сделать надо, иначе не выкрою времени на бассейн.

— Ладно, я сама, — я решительно освободилась от гнета макбука, в кухне сунула в духовку блюдо с лазаньей, поставила таймер на сорок минут и пошла переодеваться из домашней одежды (по осени у меня это кигуруми медведика) в выходную (это теперь, как правило, джинсы и курточка).

До ближайшего магазина с лицензией на торговлю спиртным было недалеко, и я не почтила своим присутствием общественный транспорт. Купила бутылочку красного сухого вина и уже прошла большую часть обратного пути, когда затрезвонил мой мобильный.

— Здорово, Логунова! — странным деловито-заискивающим тоном приветствовала меня Ка-